

И. Р. Подзолкова

РЕАЛИИ РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕВОДАХ (на примере текстов дипломатических документов России и Соединенных Штатов Америки)

Рассматриваются случаи употребления в официальных дипломатических документах президентов России и Соединенных Штатов Америки реалий русской и американской культуры. Раскрывается содержание понятия «реалия», приводится пример классификации реалий и анализируются приемы передачи их лексического значения в официальных переводах.

Ключевые слова: *реалия, дипломатический документ, культура, перевод.*

Исследованию реалий как феномена посвящено немало научных трудов, например, Л. Н. Соболева, Г. В. Чернова и А. Е. Супруна. Однако практически у каждого лингвиста существует своя точка зрения на то, что именовать «реалией». Разногласия наблюдаются уже с противоречий в именовании данного понятия как такового.

Термин «реалия», имея латинское происхождение от “realis” (мн. realia), что означает «вещественный, действенный», несмотря на то, что в оригинале имеет форму прилагательного во множественном числе, используется в лингвистике в качестве существительного единственного числа. На наш взгляд, наиболее точную и полную характеристику реалии дают болгарские лингвисты С. И. Влахов и С. П. Флорин: «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу “на общем основании”, требуя особого подхода» [3. С. 59–60]. Также авторы отмечают, что данная дефиниция реалии требует продолжения и развития в плане классификации реалий на основе их узкотематической классификации.

Необходимо отметить, что, говоря о реалиях, многие лингвисты дают им такие определения, как «безэквивалентная лексика» [7. С. 223–224], «термин – реалия» [9. С. 253], «экзотизмы» [1. С. 110], «варваризмы» [5. С. 137–139], а также другие: «локализмы», «этнографизмы», «этнолексемы», «этнокультурная лексика», «этнокультуроведческая лексика», «алиенизмы», «слова с нулевым экви-

валентом», «фоновые слова», «коннотативные слова».

При глубоком анализе иных толкований понятия «реалия» мы обнаруживаем ряд неточностей. Таким образом, при замене термина «реалия» на «безэквивалентная лексика», например, сразу возникает вопрос: о сравнении каких языков идет в данном случае речь, поскольку безэквивалентной лексикой называются лексические единицы, эквиваленты которых отсутствуют в языке перевода (далее – ПЯ). То есть в данном случае подразумевается сравнение лексем в паре языков, поскольку при рассмотрении исходного языка (далее – ИЯ) с другим языком перевода, исходная лексическая единица вполне может переводиться эквивалентом. Реалия лишь «входит как самостоятельный круг слов в “рамки безэквивалентной лексики”» [3. С. 56], однако ограничиваться лишь этим определением, на наш взгляд, нельзя.

При именовании «реалии» как «термин» можно выделить такие расхождения в характеристиках как безэквивалентность первой и общеупотребительность второго.

Мы не будем подробно останавливаться на проблеме дефиниции понятия «реалия». В нашем исследовании большую значимость приобретает вопрос о классификации реалий, проблеме поиска реалий в тексте, в частности, дипломатических документов и способах их перевода.

Вопросы классификации реалий по сей день остаются спорными. Так, реалии подразделяют как по предметному признаку на «несколько семантических групп» (А. Е. Супрун, В. И. Репин, Влахов, Флорин), так и на основе предметно – языкового признака (А. А. Реформацкий).

Из современных трудов по исследованию реалий мы выделяем следующую классификацию реалий, построенную на основе деления

реалий по их «коннотативным значениям, то есть в зависимости от местного (национального, регионального) и временного (исторического) колорита», предложенную Влаховым и Флориным [3. С. 63]. Итак, их новая классификация реалий выглядит следующим образом:

I. Предметное деление;

II. Местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности);

III. Временное деление (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакомости»);

IV. Переводческое деление.

Предметное деление включает в себя:

– географические реалии (названия объектов физической географии, метеорологии, географические объекты, связанные с человеческой деятельностью и эндемики);

– этногеографические реалии (быт, труд, искусство, культура, этнические объекты, меры и деньги);

– общественно-политические реалии (административно-территориальное устройство, органы и носители власти, общественно-политическая жизнь, военные реалии) [3. С. 64–71].

При местном делении реалии рассматриваются как в плоскости одного языка (свои, чужие), так и в сравнении пары языков (внутренние и внешние). Схематично данное деление можно представить следующим образом (деление предложено Влаховым и Флориным):

Временное деление подразумевает деление реалий на современные и исторические.

Прежде чем перейти к рассмотрению наиболее важного для нашего исследования аспекта, а именно к анализу способов перевода реалий, встречающихся в текстах дипломатических документов, необходимо определить основные лингвостилистические характеристики данного типа документов, что также необходимо нам в плане соответствия перевода реалий стилистическим и языковым нормам составления

данных документов в ПЯ.

Сразу отметим, что дипломатические документы – это документы, относящиеся к внешней политике государства. Они подразделяются на письменную и устную группы. Если письменная группа дипломатических документов, по большей части, направлена на установление сотрудничества сторон и закрепление основных его положений в письменной форме, имеющей юридическую силу, то устная группа документов имеет своей целью выражение вежливости по отношению к другой стороне, соблюдение международных норм этикета и протокола. Таким образом, к письменной группе дипломатических документов принадлежат все виды соглашений, конвенций, деклараций, актов, меморандумов, резолюций, коммюнике, официально-деловой переписки глав государств, министров иностранных дел, посольств. К устной группе относятся ответы глав государств на обращения или вопросы представителей общественных организаций и отдельных лиц, речи представителей государств на международных форумах, общественных собраниях, посвященных знаменательным датам, выступления глав государств, правительств, министров иностранных дел на дипломатических приемах в честь иностранных гостей.

С лингвостилистической точки зрения, можно выделить такие характерные особен-

ности дипломатических документов, как логичность и официальность, предписательный способ изложения, точность, торжественность стиля, употребление специальной лексики, относящейся к сфере политико-дипломатической деятельности, структурность и так далее.

Перевод текстов дипломатических документов требует особого подхода, поскольку в нем необходимо не только сохранить стиль изложения, но и подобрать такие эквиваленты дипломатической лексики в ПЯ, которые бы

полно и однозначно передавали смысл и имели бы закрепленные в международном общении и дипломатических словарях официальную языковую форму перевода.

Согласно утверждению Крупнова В. Н., «переводческая деятельность репрезентируется рядом уровней действий и операций» [4. С. 11].

Кратко, данную схему можно представить следующим образом:

1) опознание слов и общей структуры текста;

2) достижение углубленного понимания текста:

– понимание слов, словосочетаний или групп слов, связанных по смыслу,

– понимание предложения как единицы текста,

– понимание сверхфразовых единств,

– понимание текста в целом;

3) эквивалентная передача воспринятой смысловой и стилистической информации оригинала с помощью средств другого языка (языка перевода);

4) заключительная (обобщающая) оценка выполненного перевода в рамках более широкого контекста с опорой на общий понятийный аппарат [4. С. 11].

Далее В. Н. Крупнов отмечает, что «достижение смысла зависит от ряда факторов: от уровня владения иностранным языком, от знания жанровых особенностей переводимого материала, от насыщенности текста терминологией, реалиями или образными единицами» [4. С. 12].

В нашей статье мы уже успели описать некоторые жанровые особенности дипломатических документов и сам процесс перевода. Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению особенностей перевода именно реалий, встречающихся в текстах данной категории документов. Отметим, что реалиями изобилуют дипломатические документы преимущественно устной группы, поскольку являются менее регламентированными, нежели документы письменной группы, так как по характеру принадлежат к произведениям ораторского искусства.

Актуальность выбранной нами тематики очевидна, во-первых, потому, что дипломатические документы являются обязательным инструментом ведения внешней политики государства. Исследуя языковые средства и стилистические приемы, используемые в них, можно проанализировать коммуникативное

намерение и цель сообщения. Однако следует понимать, что одно и то же явление в разных языках может быть воспринято неоднозначно. Так, например, русскому языку свойственна категория долженствования (сторона обязана, должна в срок не позднее...) и употребления отглагольных существительных с частицей «не» (недопущение, нераспространение), что нежелательно дословно переводить на английский язык. В первом случае в американской культуре высказывания подобного рода воспринимаются негативно, как команда и даже оскорбление. Второй пример будет просто противоречить американскому образу мыслей, их так называемому «позитивному мышлению», которое исключает «хроническое отрицание» русских.

«Наряду с “нет”, “нельзя” или “не надо” в русском языке есть много таких слов и выражений, семантика которых расходится в английском. И какими бы ни были источники возникновения русских отрицательных словосочетаний, будь то история, психология или логика развития самого языка, – эти слова заключают в себе такой смысл, который чужд американцу или ничего для него не значит. В английском языке запреты и предупреждения (cannot/ should not/ must not do it) выражается иначе, чем в русском, а **don't звучит не так категорично, как “нельзя”**» [2. С. 57]. В данном случае необходимо сделать одно пояснение, касающееся стиля и языка официальных дипломатических документов. Проведенное нами исследование показало на примере дипломатических документов Соединенных Штатов Америки, что категория долженствования присутствует в них в полной мере и это подтверждают следующие примеры: shall, must, need, cannot, necessary, to be to, not to be to, to be due и т. п. **Что касается отрицательных отглагольных существительных, то следует отметить, что отглагольные существительные в принципе менее свойственны английскому языку.**

Во-вторых, стремление к возможно полной передаче смысла дипломатического документа при сохранении стилистических норм ПЯ требует всестороннего переводческого анализа всех его компонентов. И в данном случае наибольшую проблему для переводчика составляет именно реалии, которые справедливо относятся к «непереводимому», «безэквивалентной лексике». Нам важно понять все же, как и при помощи каких переводческих приемов перевести реалии и стоит ли их переводить вообще.

Как отмечает Виссон, «говорить на английском языке, не зная стоящих за ним реалий и культуры, – значит кормить своих слушателей безвкусной жвачкой буквализмов и обрекать себя на бесконечные ошибки» [2. С. 16].

Среди основных трудностей при переводе реалий можно выделить и отсутствие прямого эквивалента в ПЯ (или соответствия, аналога) и необходимость в большинстве случаев передачи колорита (национально-исторической) окраски. Хотя второе, на наш взгляд, больше относится к текстам художественной литературы, нежели к сфере дипломатической деятельности. Важно понять «контекстуальное значение» реалии, а затем то, как ее передать на язык ПЯ, используя перевод в широком смысле или различные переводческие приемы. Выбор того или иного способа перевода реалий зависит, по мнению Влахова С. И. и Флорина С. П., от нескольких предпосылок [3. С. 110]:

- от характера текста,
- от значимости реалии в контексте,
- от характера самой реалии, ее места в лексических системах ИЯ и ПЯ,
- от самих языков – их словообразовательных возможностей, литературной и языковой традиции,
- от читателя перевода (по сравнению с читателями подлинника).

Далее мы разберем несколько примеров перевода реалий, взятых из текстов дипломатических документов, в особенности устной группы, которые изобилуют таковыми.

Среди документов устной группы можно часто встретить употребление так называемых «советизмов», когда главы государств или правительств говорят о событиях прошлого, о времени советской власти. Чернов Г. В. определяет «советизмы» как «слова и словосочетания, возникшие за годы советской власти, или старые слова и словосочетания, у которых в этот период возникли новые значения» [7. С. 226].

В преддверии рабочего визита во Францию Председатель Правительства России В. В. Путин дал интервью агентству «Франс Пресс» и телеканалу «Франс 2», в котором сказал: «Ведь у нас что было? Царизм, потом сталинизм, коммунизм». Сразу следует отметить, что в американской культуре вообще отсутствует понятие «у нас», вместо этого они употребляют (в отношении страны) “in my country”, “in Russia”. Вот как переводчик передал значения советизмов в переводе: “We had Tsarism, followed by Stalinism and Communism”. В данном случае можно

выделить следующие реалии русской истории: «царизм», «сталинизм», «коммунизм». Несмотря на то, что они являются общеизвестными историческими реалиями, а такая реалия, как «коммунизм» (“communism”) еще и относится к общечеловеческим социально-философским понятиям (всемирно известное учение К. Маркса и Ф. Энгельса), тем не менее, эти явления были характерны для истории нашей страны и не случались в истории Америки, поэтому мы и говорим об их отсутствии в американской культуре, хотя знания о них, безусловно, у мировой общественности есть. Для передачи реалии на ПЯ переводчик использует такой переводческий прием, как транскрипция, который заключается в передаче звуков иноязычного слова при помощи букв родного языка. В то время как словосочетание «Советский союз» переведено там же при помощи сокращения полукальки: “USSR”.

К транскрипции при переводе реалий прибегают и в тех случаях, когда речь идет о названиях и сокращенных названиях организаций, проектов, когда другие приемы перевода использовать не представляется возможным вследствие отсутствия международного закрепленного эквивалента перевода. Сравним для примера те реалии, которые широко известны международному сообществу и имеют эквиваленты при переводе: «российский ВПК» – “Russian defence industry”, «МАГАТЭ» – “IAEA”, «вузы» – “Universities”. При помощи транскрипции на русский язык переведены: “Samsun-Ceyhan (oil pipeline)” – «(нефтепровод) “Самсун – Джейхан”», причем в русской версии данное словосочетание будет внешней реалией по отношению к русской культуре. Внешними реалиями, транскрибируемыми в текстах русских документов, будут также слова: «Сенат», «Конгресс», «монархия», «лейбористы», «пиар». Следует отметить, что последнее уже активно используется в речи русских политиков и дипломатов: «И было бы нелепо, если бы я начал это скрывать или вдруг начал пиарить то, к чему я не имею никакого отношения» (В. В. Путин в интервью агентству «Франс Пресс» и телеканалу «Франс 2»).

Мы можем наблюдать использование переводчиком и кальки/полукальки в «говорящих» названиях международных программ сотрудничества и проектов, то есть таких названий, лексические единицы в которых могут быть переведены в отдельности: «многосторонние, крупные проекты в сфере энергетики “Голу-

бой поток”, “Южный поток”» – “multifaced and large-scale energy projects Blue Stream and the South Stream pipelines”.

Часто в интервью или устных выступлениях президентов стран, председателей правительств стран, министров иностранных дел и пр. мы встречаем употребление слов и выражений, свойственных только одной из культур, при буквальном переводе которых может возникнуть непонимание другой стороной и полное невосприятие вследствие разного восприятия картины мира. Например: «Это как раз на руку, как Вы хорошо понимаете, европейской экономике... В условиях слабого евро в данном случае французские производители получают очевидные бонусы, фору. Но это вызов и для нашего машиностроения» (В. В. Путин в интервью агентству «Франс Пресс» и телеканалу «Франс 2»). В данном небольшом отрывке продемонстрировано сразу несколько фразеологизмов, свойственных восприятию только русского человека: «быть на руку», «получать бонусы, давать фору», «быть вызовом для ч.-л.». Безусловно, переводчик должен учесть эти особенности и передать лексическое и контекстуальное значение этих выражений иными лексическими единицами ПЯ, имеющими аналогичное смысловое значение. Обратим внимание на перевод: “It will *benefit* the European economy... A weak euro is a clear *benefit* for French producers and a *challenge* for the Russian mechanical engineering”. В данном переводе реалии русской культуры «быть на руку», «получать бонусы, фору» переведены на английский язык лексической единицей с широким семантическим полем: “benefit”, что свойственно, в принципе, для переводов с русского на английский язык, когда слово с конкретным значением заменяется на слово с более широким значением, таким образом, применяется переводческий прием под названием «генерализация». Как отмечал Швейцер А. Д., «Отсутствие того или иного элемента в лексической системе одного из языков не является препятствием для переводимости – ведь перевод осуществляется не на уровне отдельных языковых единиц, а на уровне смысла высказывания и смысла текста» [8. С. 126].

Приведем еще несколько примеров употребления реалий русской культуры в официальной речи: «...наши западные партнеры хотели бы *тверже* стать на почву, чтобы чувствовать себя более уверенно», «Ведь международные правозащитные организации пару лет

назад написали *толстые фолианты* по поводу того, как нарушаются права граждан во французских тюрьмах», «*В силу системы выборщиков*», «...американские коллеги мне ответили: Вы туда *не лезьте*, мы к этому привыкли, так и будет. *Мы не лезем*», Вы знаете, ведь во всем мире, где бы ни *показали пальцем*, власть всегда старается *выглядеть лучше, чем она есть на самом деле*», «Для меня это – *текучка*», «я даже в страшном сне не могу себе *представить...*», «*напланировали* очень много», «*не считаю зазорным снять трубку* и сказать ему...», «до 2012 г. *нужно дожить*», «за вас можем *поболеть...* а французы за кого будут *болеть?*», «у нас *каждый ход записан...*» и так далее (В. В. Путин в интервью агентству «Франс Пресс» и телеканалу «Франс 2»).

В зависимости от схожести или различия в восприятии так называемой «картины мира» и перевод, соответственно, может соответствовать лишь семантическому значению, заменяя выражение в ИЯ иными лексическими единицами в ПЯ. Так, например, произошло в случаях: “to secure a greater foothold” (тверже стать на почву), “**weighty tomes on human rights**” (толстые фолианты), “the electoral college system” (система выборщиков), “Don’t get into it... We don’t get involved in it” (Вы туда не лезьте, мы к этому привыкли, так и будет. Мы не лезем), “to put a better face on things” (выглядеть лучше, чем есть на самом деле), “It is quite ordinary” (текучка), “**We planned a great deal**” (напланировали), “I can call him and say” (снять трубку и сказать), “It would be premature to make such plans for 2012” (до 2012 дожить нужно), “We may root for your team” (за вас можем поболеть), “Who will the French be supporting?” (а французы за кого будут болеть?). Такие слова, как «текучка» определяются как лексические лакуны, их значение частично совпадает со значением “quite ordinary” и “routine” в английском, хотя полного тождества в них нет, теряется также и эмоционально-экспрессивный компонент. Заметим, что в правилах дипломатического перевода как с английского на русский, так и с русского на английский языки одним из главных критериев «правильности» служит отсутствие экспрессии. Именно поэтому русское слово «текучка» при переводе на английский язык теряет свою эмоциональную окраску. В случае с русскими приставочными глаголами, такими как «напланировали» «в значении превышения предела» [9. С. 121] следует отметить, что они передаются «с помощью свободных словосо-

четаний» [9. С. 121], как в данном случае “to plan a great deal”.

Так, говоря о «чувстве локтя» (В. В. Путин на Первом инновационном форуме Россия-ЕС) на английском языке лучше передать значение как “team spirit” (дух команды), дословный же перевод реалии введет англоязычного слушателя в смятение. Также и в случае со следующей репликой из того же выступления «открывать горизонты», которое было переведено как “to offer the greatest opportunities”. Интересным способом замены была переведена русская реалия «работать не покладая рук» (Д. А. Медведев на встрече с представителями российских и американских деловых кругов) на английское “working tirelessly”.

Однако есть практически и буквальные переводы фразеологизмов: “**wherever you point a finger**” (где бы ни показали пальцем), “Even in my worst nightmares I could not imagine...” (я даже в страшном сне не могу себе представить).

Реалии, в случае если они не несут на себе никакой семантической нагрузки, могут «опускаться» при переводе, в этом случае применяется такой переводческий прием как «опущение».

Иногда в конечном переводе наблюдается дополнительная лексическая единица (переводческий прием «добавление») с целью более точного указания на объект: российская корпорация «Роснано» – “the Russian state corporation RusNano”. Или: “Companies represented here today are moving forward with a series of major trade and investment deals that will create jobs for both Americans and Russians across many sectors, from *aerospace*, to automotive engineering, to the financial sector and high-technology” (Б. Обама на встрече с представителями российских и американских деловых кругов). У американцев “*aerospace*” означает и авиацию, и космонавтику, поэтому переводчику необходимо было использовать прием «добавления»: «Компании, которые представлены здесь сегодня, заключают серии крупных торгово-инновационных сделок, которые создают рабочие места и для американцев, и для россиян во многих секторах: авиации, космонавтике, автомобильном секторе, финансовом секторе, высоких технологиях».

Не ошибкой будет и использование двух приемов одновременно внутри одного словосочетания (полукалька).

В следующем примере географические реалии американской культуры: “President Med-

vedev visited *California* and *Silicon Valley* to explore new partnership...” (Б. Обама на встрече с представителями российских и американских деловых кругов), в первом случае переведена с помощью транскрипции «Калифорния», вторая при помощи кальки: «Кремниевая долина».

Подводя итог нашему исследованию, можно отметить, что в общем реалии переводятся двумя способами: либо переводом в широком смысле слова, что включает в себя введение неологизма, семантического неологизма, использование кальки и полукальки, замена реалии реалией ПЯ, приблизительный перевод (родовидовую замену, функциональный аналог, описание, объяснение, толкование), контекстуальный перевод.

При необходимости сохранения национальной окраски и колорита используют прием транскрипции, также он используется при отсутствии эквивалента (соответствия или аналога) в языке ПЯ и иных случаях. Транскрипция может быть дополнена (с целью передачи лексического значения) наряду с нейтральным синонимом или родовым понятием в качестве приложения. В данном случае транскрипция и синоним употребляются, как правило, через дефис. Такой переводческий прием как транскрипция может предполагать и детальное объяснение, в том числе этимологическое происхождение самой реалии, а также использование сносок, однако в текстах дипломатических документов подобное объяснение, как правило, не допускается.

Некоторые реалии, не несущие на себе смысловой нагрузки, «опускаются» при переводе. При анализе способов перевода реалии в текстах дипломатических документов переводчик должен четко понимать, с какой реалией он имеет дело: внешней, внутренней и т. п., учитывать классификацию реалий, ее роль в тексте, значимость в контексте. Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующий вывод, что при выборе способа перевода реалии следует учитывать словообразовательные возможности языков, литературную и языковую традицию в соответствии со спецификой читателя этого перевода.

Список литературы

1. Берков, В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. Л., 1973.
2. Виссон, Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух

культур / пер. с англ. 4-е изд., испр. М., 2007. 192 с.

3. Влахов, С. И. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. 3-е изд., испр. и доп. М., 2006. 448 с.

4. Крупнов, В. Н. Пособие по общественно-политической и официально-деловой лексике. М., 1984. 224 с.

5. Реформацкий, А. А. Введение в языкознание. 4-е изд. М., 1967.

6. Супрун, А. Е. Экзотическая лексика // Филол. науки. 1958. № 2.

7. Чернов, Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Уч. зап. МГПИИЯ. Т. XVI. М., 1998.

8. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.

9. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / отв. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 2009. 216 с. (Из лингвистического наследия А. Д. Швейцера).